

шолтда

В.М.Сергеев, С.Н.Саруханян

«БЕЛАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ПРОВАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ СВЕРХУ

Ключевые слова: Иран, «Белая революция», исламское общество, модернизация, демократические институты

История модернизационных попыток на Ближнем Востоке — одна из интереснейших глав новейшей истории. Но дело здесь не только в истории. Изучение опыта модернизации Ирана, Турции, арабских стран региона дает возможность разобраться в самой сути запутанного клубка проблем, связанных с глубокими преобразованиями в традиционном исламском обществе.

Исламская революция в Иране, вне всякого сомнения, была одним из ключевых событий в политической истории мира второй половины XX в. Ее последствия трудно переоценить: она полностью изменила политический ландшафт региона и положила начало новому историческому феномену — революционному исламскому фундаментализму. Однако в данной статье речь пойдет не о самой Исламской революции, а о предшествовавшей ей «Белой революции» — политике модернизации, проводившейся шахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви начиная с 60-х годов XX в. Как модель модернизации сверху она представляет для нас особый интерес, поскольку позволяет оценить другие попытки модернизации, в том числе и российскую, с которой «Белая революция» в Иране парадоксальным образом имела ряд общих черт: огромные прибыли от нефтяного экспорта в качестве финансовой основы модернизации, полупарламентарная система, политическая риторика, апеллирующая к великому прошлому.

В самых общих чертах неудачу «Белой революции» можно объяснить одним фундаментальным фактором. Управление сложной социальной системой требует институциональной структуры, по крайней мере сопоставимой по сложности с управляемой системой¹. В рассматриваемом же случае, несмотря на исключительную сложность иранского общества, состоявшего из фрагментов, находившихся на совершенно разных уровнях социально-политического, культурного и экономического развития (сектора индустриального общества, традиционная мусульманская элита, «новая» интеллигенция с западным образованием, многочисленные племена), система управления была весьма примитивной, «ручной», централизованной, что приводило, особенно после повышения цен на нефть в 1973 г., к необычайно высокой коррупции.

Неспособность (или нежелание) шаха модернизировать систему управления государством и модель взаимоотношений с обществом

¹ Сергеев 1999.

оказалась роковой для модернизационного проекта. Ни амбициозная программа развития ядерных технологий, ни строительство современных университетов, ни высокие темпы роста экономики не смогли смягчить возмущение, вызванное глубочайшим разрывом в жизненных стандартах коррумпированной элиты и так называемого «базара», который к тому же сохранял приверженность традиционной исламской культуре.

Обратимся теперь непосредственно к анализу «Белой революции».

**«Белая
революция»**

«Белая революция» иранского шаха, начатая в 1962 г., имела достаточно четкий региональный фон — перевороты в Ираке и Турции, где социально-политический протест привел к падению правительств. В 1958 г. в результате заговора офицеров были убиты король, регент и премьер-министр Ирака, что повлекло за собой ликвидацию монархии и установление в стране просоветского республиканского режима, который начал представлять прямую угрозу для шахского Ирана. В 1960 г. в Турции был смещен премьер Али Аднан Мендерес, который пытался смягчить некоторые черты кемалистского светского режима (и впоследствии был за это повешен).

Политические трансформации в Ираке и Турции принципиально отличались друг от друга. В случае Ирака имело место свержение режима и революционная трансформация монархии в республику. Произшедшее же в Турции было переворотом, который во многом был вызван полудемократическим характером турецкого государства, допускавшего многопартийность и присутствие внутри власти групп интересов и вместе с тем постулировавшего особую роль армии как хранительницы кемалистских традиций. Но, несмотря на существовавшие между ними фундаментальные различия, оба события стали для иранского шаха своеобразным уроком, так как оба они были следствием провала модернизационных проектов, один из которых был антимусульманским, с решающей ролью армии, а другой пытался найти середину между традиционными исламскими ценностями и западными методами управления. Революция, за которую выступала партия «Туде», получавшая поддержку из СССР, и многопартийность, в свое время приведшая к власти правительство доктора Мохаммеда Моссадыка, который ограничил власть монарха, были для Реза Пехлеви двумя гранями зла. Поэтому вывод, который он сделал из событий в Ираке и Турции, был достаточно прост: монархии угрожает как революционизм, так и официальная политическая деятельность партий. В результате иранские власти направили свои усилия на разгром всей оппозиции — от нелегальной революционной «Туде» до абсолютно легального Национального фронта Ирана, который с 1962 г. был фактически отстранен от участия в парламентских выборах. Политика подавления оппозиции достигла своей кульминации в 1975 г., когда полуторапартийная система была превращена в однопартийную. В стране осталась одна-единственная партия

«Растахиз» во главе с шахом, призванная помогать (читай — не мешать) власти в реализации разрабатываемых ею программ. Политические изменения, произошедшие в Иране с началом «Белой революции» (само название которой предполагало, что она — ответ на возможную «красную»), во многом и предопределили судьбу иранской модернизации.

Экономическую основу «Белой революции» составила серия реформ, инициированных шахом и его кабинетами в период с 1962 по 1978 г., ключевыми из которых были земельная и образовательная реформы, национализация лесов, озер и рек, приватизация части государственной собственности, создание современной системы здравоохранения и страхования и т.д. Решения по реформам были более чем продвинутыми, но процесс их принятия сопровождался консолидацией власти и уничтожением демократических институтов. Подобный подход опирался на популярный в то время в политической науке США теоретико-методологический постулат о возможности модернизации экономики и социальных отношений без модернизации политической системы.

Модернизация и демократия

Иранская модернизация, de facto стартовавшая еще в 1962 г., когда были приняты решения по земельной реформе, официально началась после референдума, состоявшегося 26 января 1963 г. В ходе этого референдума за реформы высказались 99,9% участников голосования, однако использованная при его проведении процедура выглядела как откровенное издевательство над институтом волеизъявления. Под предлогом необразованности населения власти придумали способ «облегчить» положение голосующих: сторонникам реформ выдавались бюллетени белого цвета, которые они должны были опустить в урны, противникам — синие. На многих участках вообще не было синих бюллетеней, зато везде за ходом фактически открытого голосования следили сотрудники тайной полиции САВАК, и сделанный в их присутствии «неправильный» выбор был чреват для человека серьезными проблемами.

Разгром парламента в 1962 г., референдум по модернизации в 1963 г. и создание однопартийной системы в 1975 г. были звеньями одной цепи, призванной обеспечить становление в Иране современного государства благосостояния во главе с монархом, правящим во имя народа и для народа и ведущим Иран к великому будущему. Само решение о создании партии «Растахиз», чье появление должно было завершить процесс консолидации власти в руках шаха, было принято по предложению группы молодых иранцев, получивших образование в США и видевших в однопартийной системе, объединяющей сторонников реформ, естественный и объективный итог развития Ирана. По существу, это было другое издание кемалистских идей, сопровождавшееся к тому же началом борьбы с шиитской элитой — аятолами.

Нельзя сказать, что ориентация шаха и его молодых советников на диктаторские методы осуществления реформ была обусловлена исключительно особенностями восточной политической культуры: благо-

приятную почву для утверждения подобного подхода обеспечивали и установки западной политической науки. В 1960—1970-е годы в американской академической среде многие разделяли идеи Самюэля Хантингтона, который полагал, что в традиционных монархиях модернизация возможна лишь при условии консолидации власти в руках правителя-модернизатора: «На начальном этапе модернизация требует изменения политики и приводит к концентрации власти. Разрыв между сильными и слабыми увеличивается. Вместе с тем социальные и экономические изменения, рожденные модернизацией, приводят к тому, что новые группы начинают требовать входа в политическую систему и расширения самой системы»². При обосновании своих заключений Хантингтон ссылался, в частности, на опыт «Белой революции», доказывая, что важнейшая для Ирана земельная реформа 1961—1962 гг. не началась бы, если бы до ее запуска шах не пошел на нарушение Конституции и не «освободился от парламента»³. Представление о том, что в странах, подобных Ирану, приходится выбирать между реформами и свободой («*Reforms vs. Liberty*»), было достаточно популярным в образовательном и научном сообществе Соединенных Штатов. Неудивительно, что молодые иранские реформаторы, получившие PhD в американских вузах, ратовали за консолидацию власти.

² Huntington 1966: 770.

³ Ibid.: 776.

Но был ли готов шах-модернизатор после развертывания экономической и социальной реформы открыть новым группам «вход» в политический процесс, допустить их к управлению страной посредством традиционных схем политического участия? Ничто лучше не отражает позицию Реза Пехлеви, чем его слова: «У иранцев был выбор — поддержать или отвергнуть три базовых принципа: Монархия, Конституционализм и Белая Революция. Поддерживающие нас теперь присоединятся к партии „Растахиз“, чтобы закрепить и продвинуть свои подходы. Оппоненты могут оставаться апатичными и не присоединяться к нам (в этом случае им будет отказано в получении плодов иранского процветания), а если найдутся такие, кто захочет отвергнуть эти принципы, то им будет позволено уехать из страны»⁴. Можно с полной уверенностью утверждать, что иранская модернизация ни на каком этапе своей реализации не предполагала расширения круга участников политического процесса; напротив, она с каждым годом сужала этот круг и в конце концов свела его к одной партии, главной целью которой ввиду ее специфики было упрочение власти монарха и распределение благ среди своих членов.

⁴ Цит. по: Zabih 1979: 9.

Таким образом, мы видим явное нарушение упомянутого выше принципа адекватности институциональной структуры сложности управляемой системы. При наличии переговорных механизмов, позволяющих учитывать, хотя бы частично, интересы различных групп иранского общества (и тех, что заинтересованы в модернизации, и тех, которые противятся реформам) и интегрировать недовольных в политическую систему, Исламскую революцию, возможно, удалось бы предотвратить.

**Модернизация
и нефть**

«Белая революция» в Иране заслуживает внимания еще по одной причине: революционные изменения в социально-экономической системе начались в стране с огромными сырьевыми доходами, которые вполне могли бы обеспечить стабильность и рост экономики — при условии, что элита согласилась бы делиться этими доходами с населением. Иными словами, грандиозные проекты режима вроде развития ядерных технологий не были вынужденными. Преобразования не были вызваны жизненной необходимостью — ни для режима, ни для народа, который в силу своей исторической и национальной специфики был склонен к сохранению традиционного уклада. Иранское общество не сформулировало никакого запроса на «Белую революцию»; более того, сами термины и категории изменений зачастую казались ему чуждыми. Так, призывы шаха покончить с «феодализмом» не были понятны ни крупным землевладельцам, ни крестьянам, чьей жизни с отменой такового предстояло улучшиться: в Иране никогда не было феодализма в европейском смысле, а это слово в фарси обозначало именно состояние дел в средневековой Европе.

Что же заставило главу сырьевого государства, чья власть после 1962 г. казалась исключительно крепкой и стабильной, начать реформы, призванные изменить облик страны? Единственный ответ, к которому можно прийти, анализируя выступления, заявления и книги иранского монарха, выглядит довольно парадоксальным: модернизация воспринималась им как средство превратить Иран в регионального и международного лидера, а себя самого — в реального царя царей (шахиншаха), каковые заложили основы 2500-летней персидской государственности. Не случайно одной из важнейших задач модернизации было создание современной и хорошо вооруженной армии (военную составляющую имела в том числе и ядерная программа). По замыслу шаха, Иран должен был стать высокоразвитой страной, руководитель которой мог бы на равных общаться с главами ведущих держав современного мира. С этой точки зрения политика шаха во многом напоминала политику его отца, стремившегося построить новую Персидскую империю и отстраненного от престола британскими и советскими оккупационными войсками.

В отличие от основателя династии Пехлеви, который расплатился властью за свои проекты, его преемник мог не бояться свержения извне, так как пользовался прочной и неизменной поддержкой со стороны Вашингтона. Но главная разница между отцом и сыном Пехлеви заключалась в другом. Первый был правителем нищей страны, получавшей гроши от Англо-иранской нефтяной компании, на концессионной основе владевшей ее нефтяными месторождениями, второй — руководителем богатого сырьевого государства, власти которого имели достаточно средств для реализации любого амбициозного экономического и политического проекта. Причем проекты эти, поскольку их финансирование происходило не за счет реального сектора экономики, а путем продажи сырья за рубеж, могли осуществляться без оглядки на тра-

диционные группы населения, с которыми в былые времена были вынуждены считаться иранские правители при принятии общезначимых решений. Речь идет о таких группах, как племенные вожди, провинциальная аристократия (ханы, беки и пр.), исламское духовенство и «базар».

И здесь мы подходим к ключевому моменту «Белой революции» — к вопросу о стоимости модернизации. Под стоимостью модернизации мы понимаем цену, которую платит за модернизацию реальный сектор экономики и общество в целом, на собственных карманах ощущающее ту ренту, которая прямо или косвенно изымается государством для проведения реформ. Эта цена создает прочную и очевидную систему «противовесов» власти, возможности которой по осуществлению модернизации напрямую определяются тем, насколько общество готово за такую платить. В этих условиях очень трудно избежать переговоров по поводу планов модернизации, разве что через установление явной тирании (именно так проводились реформы Петра I).

Если же модернизация осуществляется за счет ренты от экспорта нефти, связь между властью и обществом почти теряется, так как власть, ничего напрямую не отнимающая у общества ради реализации своих экономических программ, перестает быть обязанной согласовывать с ним политические решения, сопровождающие реформы. Чем больший объем средств концентрируется в руках правящей элиты, тем менее значимым становится общественное мнение, вне зависимости от того, кто является его носителем — торговец, ремесленник, студент, хан или профессор. Нефть, обеспечивающая власти возможность тратить «собственные», а не общественные средства на воплощение своих проектов, делает ее независимой от реальности общественных ожиданий⁵, что при отсутствии институтов представительства, так или иначе вынуждающих власть вступать в политические переговоры с группами интересов, может повлечь за собой полный отрыв правящей элиты от общества. Именно это и произошло в Иране в результате «Белой революции», и произошло исключительно потому, что Иран был государством-рантье (*rentier state*), чьи власти располагали таким объемом получаемых как бы «из ниоткуда» средств, которого было достаточно для начала коренных преобразований без достижения по ним консенсуса с основными группами интересов.

Для того чтобы понять степень свободы иранских властей в реализации своих экономических программ, надо представлять, какими финансовыми ресурсами обладал Иран благодаря торговле нефтью. За 25 лет, прошедших со времени падения правительства Моссадыка, нефтяные доходы страны увеличились многократно. Если в 1953 г. они составляли менее 34 млн. долларов США, то в 1973 г. — уже 5 млрд., а 1977 г., ввиду резкого повышения цен на нефть, — 20 млрд. Всего в период с 1953 по 1978 г. нефть принесла Ирану порядка 54 млрд. долларов⁶. Как это ни парадоксально, но осторожность и грамотность Моссадыка в проведении реформ была отчасти обусловлена тем, что из-за слабости центральной власти и скудости доходов государства иранский

⁵ Сергеев 2004.

⁶ Abrahamian 1980: 21–22.

премьер при принятии важных решений был вынужден считаться с рисками отсутствия поддержки. Государство-рантье шаха Реза Пехлеви эти риски могло игнорировать, что привело ко многим необдуманным шагам при осуществлении преобразований.

**Модернизация
и «новая
экономика»**

Цифр, на основании которых можно было бы судить, насколько эффективной была экономическая политика «Белой революции» в плане реального роста экономики и повышения благосостояния иранского общества, к сожалению, нет. Дело в том, что иранская статистика того времени недостоверна: многое указывает на то, что она в основном «рисовалась». Приведем лишь один пример.

⁷ *Amini 2002: 135.*

С 1965 г. в рамках борьбы с «пережитками прошлого» в Иране развернулась кампания по сокращению рождаемости. В 1966 г. в отчете Национального агентства по семейному планированию должны были быть опубликованы официальные данные о естественном приросте населения за предыдущий год. Он составлял 3,3%, однако в ходе совещания у премьера, созванного по инициативе заместителя министра здравоохранения Амира Сардари, было принято решение сократить соответствующий показатель до 2,9%. Эта цифра и появилась в отчете⁷.

⁸ *Hayek 1945: 523.*

Очевидно, что описанная выше подтасовка данных объяснялась стремлением избежать недовольства со стороны шаха. Во многом по тем же соображениям в 1970-х годах иранская тайная полиция САВАК установила контроль над бюллетенями и отчетами Центрального банка Ирана, объявив их «важными для национальной безопасности». Важность этих документов с точки зрения национальной безопасности не вызывает сомнений, но «корректировали» их не с целью укрепить страну и уменьшить ее проблемы, а дабы не расстраивать шаха, который не хотел ничего слышать ни об экономических проблемах, ни об инфляции, ни об ухудшении положения населения. Ведь, как писал в свое время Фридрих фон Хайек, «до тех пор, пока вещи продолжают быть такими, как раньше, или, по крайней мере, есть уверенность, что так оно и есть, они не создают никаких новых проблем, решение которых требует появления новых планов»⁸. В условиях всевластия шаха государственная бюрократия, по сути, начала проводить собственную политику, нацеленную на достижение личного благополучия: любой ценой демонстрируя свою лояльность, она закрепляла за собой место возле огромного нефтедолларового пирога.

⁹ *Khodadad
Farmanfarmaian
1982.*

Для лучшего понимания ситуации полезно обратиться к ее оценке изнутри бывшим иранским премьером Али Амини: «Когда нельзя делать ошибки (ведь если ты их делаешь, то сразу теряешь свою должность), никто не будет брать на себя риски. То есть, никто ничего не будет делать. Основной проблемой была централизованность власти и невозможность делегировать кому-либо какие-либо полномочия»⁹. В результате концентрации власти в руках шаха система государственного управления оказалась практически парализована. О том, что «на

¹⁰ *Cum. no: Summit 2004: 570.*

каждом этапе надо работать только с шахом», что это «вариант с наименьшими рисками», знали все иностранные дипломаты¹⁰. Слабая информированность шаха о реальном положении дел в стране в сочетании с крайней централизацией власти и была причиной постоянной неадекватности управленческих решений, ибо сложность таких решений в современном государстве превосходит возможности не только одного человека, но и группы заинтересованных лиц.

¹¹ *Amini 1002: 139—141.*

Весьма показательна в этом отношении ситуация, описанная Парвином Амини¹¹. На проходившей в 1974 г. конференции, посвященной экономической политике Ирана, оба основных докладчика — премьер-министр Амир-Аббас Ховейда и руководитель Организации по планированию Абдол Маджиди — специально остановились на проблеме инфляции, с которой столкнулся Иран из-за неограниченных государственных расходов, и высказались за сокращение денежных вливаний в экономику в целях повышения макроэкономической стабильности в стране. Во время их выступления шах полудремал в своем кресле, потом ему принесли чай в золотой чашке и сушеные тутовые ягоды, которыми он начал угощать сидевших за столом людей, не обращая никакого внимания на докладчиков. Когда же доклады закончились, шах, похоже, даже не слышавший, что говорили ответственные за экономику лица, произнес получасовую речь, в которой в качестве приоритетных назывались меры, прямо противоположные тем, которых добивалось правительство: строительство новых нефтехимических предприятий, увеличение военных расходов, а также ассигнований на атомную энергетику и бесплатное здравоохранение, обеспечение бесплатной раздачи еды малоимущим.

Воплощение в жизнь указаний шаха привело к гиперинфляции, которая, в свою очередь, заставила его ввести государственный контроль над ценообразованием. И поскольку на базарах, существовавших во многом автономно от государства (а именно там и формировались цены на ключевые товары), приказные методы были неэффективны, на борьбу за реализацию новой ценовой политики были брошены полиция, армия и добровольные студенческие отряды, громившие лавки, выволакивавшие на улицу торговцев и публично избивавшие их плетью «за чрезмерную алчность». Для базаров, где основой регулирования торговли выступали отношения между людьми и честность, подобные методы «обеспечения макроэкономической стабильности» были не только разорительными, но и оскорбительными, что и создало почву для союза между несырьевым сектором иранской экономики и исламом. У этого союза имелись как экономические, так и идеологические основания желать смены власти.

Благодаря огромным государственным инвестициям в развитие инфраструктуры, создание новых предприятий и иные амбициозные проекты чиновники получили доступ к колоссальным средствам. Возникший в ходе модернизации иранский государственный капитализм породил коррупцию, которая стала главным связующим звеном между

национальной экономикой и бюрократией. Что касается «новой экономики», которую должна была создать модернизация, то статистика здесь выглядела просто пугающей. Так, к 1976 г. 84% крупных частных предприятий принадлежали 45 семьям, причем все эти семьи были связаны с властью и имели доступ к государственным средствам¹².

¹² Halliday 1979: 151.

В условиях отсутствия политической конкуренции и прямой связи между реальным сектором экономики и макроэкономической политической властью модернизация привела к коррупции и непреодолимому разрыву между интересами социальных групп, составлявших иранское общество.

Модернизация и идеология

Одним из следствий разгрома парламента в 1962 г., непопулярной социально-экономической политики и недовольства традиционных слоев населения стал кризис легитимности иранской монархии. В поисках выхода из ситуации власти страны обратились к далекой истории и великому прошлому, что в условиях провозглашения модернизации в качестве основного национального приоритета выглядело странно, спорно и во многих своих проявлениях — убого.

Данный путь характерен для многих сырьевых государств. Как отмечает американский исследователь Хутан Шамбаяти, «будучи не в состоянии легитимировать себя через свою повседневную деятельность, элиты сырьевых государств-рантье стараются легитимировать свою власть, используя категории морали и культуры. Ссылаясь на мифы золотых времен, власть старается обрести в них свою легитимность. Однако естественным результатом такой политики становится превращение культуры и идеологии в арену противостояния между властью и обществом»¹³. Зафиксированное Шамбаяти явление присуще практически всем сырьевым государствам Ближнего и Среднего Востока, в которых экспорт сырья, контролируемый властью или аффилированными с ней группами, составляет основу «национального благосостояния». Не удалось избежать его и Ирану.

¹³ Shambayati 1994: 310.

Идеология «Белой революции» опиралась на несколько ключевых постулатов, и все они без исключения были аргументами в пользу монархии и диктатуры:

- иранская история началась с создания централизованного государства Ахеменидов, и Кир Великий — могущественный и справедливый монарх — был и остается объектом поклонения иранского народа;
- основу иранской цивилизации всегда составляли простые люди, которые уважали сильную власть и монарха, правившего ради их блага;
- справедливость в иранском обществе пошатнулась из-за феодализма в мышлении и хозяйстве, суеверности народа, потерявшего знание о великих временах, а также (о чем не говорилось напрямую) из-за ислама.

Для шаха и его советников было важно представить древнейшие времена в качестве передовых и современных, и они не пожалели усилий для достижения этой цели.

В 1968 г. Пехлеви добился того, чтобы Тегеран стал местом проведения Первой международной конференции ООН по правам человека, и во время этой конференции в помпезной обстановке объявил Манифест Кира Великого («цилиндр Кира») самой ранней в истории «декларацией прав человека». Манифест, где провозглашалась неприемлемость рабства и насилия над свободой и вероисповеданием покоренных народов, был использован шахом, чья тайная полиция подавляла любое инакомыслие, организовывала пытки оппозиционеров и просто тех, кто попал под подозрение, в качестве документа, подтверждающего как величие Ирана, так и справедливость и нравственность монархии. Но еще более впечатляющим был другой его шаг по «установлению» своей прямой связи с великим прошлым: в 1976 г. исламский календарь был заменен «царским», ведущим летоисчисление от предполагаемого года воцарения Кира Великого. В итоге в ночь перехода на новый календарь население Ирана заснуло в 1354 г., а проснулось в 2535-м.

Созданием мифов для народа и о народе сопровождался весь ход модернизации. Так, один из авторов «Белой революции» министр сельского хозяйства Хасан Арсанджани на одной из встреч в марте 1962 г. заявил: «Иранский крестьянин, хотя он абсолютно необразован, знает свой национальный эпос наизусть, он полон ума и качеств, которые оставались неиспользованными в течение столетий. Каждый сегмент персидской жизни и все начинания исходят из деревни. Иранский крестьянин — реальный источник потенциального возрождения Ирана»¹⁴. Все это косвенно способствовало легитимации «особого пути» Ирана, в котором якобы естественно уживались прогресс и диктатура.

¹⁴ Ansari 2001: 9.

При оценке иранской действительности Арсанджани и другие деятели «Белой революции» очень часто повторяли шаха. Крупных и средних землевладельцев они называли феодалами, а дореформенное положение дел в сельском хозяйстве — пережитками средних или «темных» веков. Проблема, однако, заключалась в том, что слово «феодализм», как уже отмечалось, ничего не говорило ни крестьянам, ни землевладельцам, а средние века, бывшие временем возникновения ислама, исламской традиции и культуры, отнюдь не воспринимались иранским народом как «темный» период человеческой истории, каким их пытались представить модернизаторы.

В рамках предъявлявшейся народу и миру идеологии модернизации шах отводил себе роль прогрессивного правителя, который борется против пережитков прошлого. Он хотел быть не «демократом», а «революционером», освободившим крестьянство от феодализма и правящим современным, образованным, свободным обществом, ведя его к великому будущему — к Великой Цивилизации. В своих политических и управленческих проявлениях последняя должна была воспроизводить

традиции древнеперсидской монархии Ахеменидов, а в бытовом — напоминать жизнь на Западе.

Как отмечает известный специалист по Ближнему и Среднему Востоку Маджид Теранян, процессы модернизации нацелили политическую элиту страны на перестройку иранского общества «по образу и подобию самых „продвинутых“ секторов общества западного. Для некоторых представителей этой элиты образцом для подражания была, к примеру, Южная Калифорния со всеми ее соблазнительными атрибутами. Привычки и вкусы, взгляды и образ жизни, даже мечты и утопии новой элиты отличались от тех, что были у остального иранского общества»¹⁵.

¹⁵ *Tehranian 1980: 7.*

«Модернизм» и «пехлевизм» стали синонимами. Эти понятия отождествил сам шах в целях легитимации своего пребывания у власти, считая, что «легенды о древних иранских правителях и их справедливости являются достаточным основанием для того, чтобы, базируясь на старой монархической традиции, построить новую, современную страну»¹⁶.

¹⁶ *Ansari 2001: 3.*

Возможно, иранское общество не столь остро реагировало бы на эти потуги властей обосновать свою собственную «философию истории», не имей они выраженного антиисламского подтекста — и не на словах, а на деле, так как борьба с «архаикой» прямо затрагивала интересы исламского духовенства и связанных с ним слоев. Между тем эти слои обладали собственным «багажом сакральности», который, в отличие от идеологии «Белой революции», уходил корнями в традиционную экономику. Речь идет в данном случае о базаре, который в 1960—1970-е годы обеспечивал существенную часть не только внутреннего товарооборота в стране, но и несырьевого экспорта и импорта. Базары, на протяжении столетий составлявшие основу иранской экономики, располагались в центральных районах крупных городов, порой занимая десятки гектаров. Важная особенность базаров заключалась и в том, что работавшие там торговцы и производители товаров нередко находились в родственных связях с муллами и аятоллами и именно духовенство зачастую решало возникавшие здесь торговые споры. Символично, что во многих иранских городах главные мечети находятся либо на территории базаров, либо по соседству с ними.

Базары были и до сих пор остаются центрами социальной жизни в Иране, а их экономическая деятельность практически закрыта для государственного вмешательства. Торговцы сами занимаются экспортом и импортом, и ссуды, в случае необходимости, им предоставляют такие же торговцы. Базар в банки не ходит и не обращается за кредитами в государственные или крупные частные финансовые институты. В период модернизации это свойство отчасти оставило базары за рамками государственного регулирования торговли и частного предпринимательства.

До тех пор, пока шах не начал напрямую бороться с базаром, тот ощущал на себе положительные эффекты от мощного притока в страну нефтедолларов. Но когда шах пошел против него, базар вспомнил как

нанесенные ему властью обиды, так и то, что в основе торговой этики лежит не Манифест Кира, а ислам. Это определило союз базара и религии, создав реальный вызов власти шаха. В дальнейшем к этому союзу примкнуло студенчество, которое, в отличие от базара и ислама, своим происхождением было обязано именно модернизации.

**Модернизация
и знание —
тупик перемен**

Бесспорным достижением иранской модернизации стала политика в сфере образования, проводимая в рамках «Белой революции». Она действительно позволила Ирану перешагнуть из средневековья в Новое время. Иранские власти недаром гордились своей «армией знаний», охватывавшей более 70 тыс. молодых людей, которые, получив образование в городах, уезжали преподавать грамоту в отдаленные районы страны¹⁷.

¹⁷ Ramazani 1974: 132.

Как видно из приводимых в таб. 1 данных, произошедшее в иранской образовательной системе было воистину прорывом. Конечно, тут тоже имелись свои особенности: престижный новый университет «Пехлеви» был англоязычным, в нем учились главным образом дети из имущих слоев, а университет Шираза стал неформальной вотчиной зороастризма, являвшегося идеологической основой концепции возврата к «великим временам». Однако в целом иранская модернизация обеспечила реальный успех в образовательной сфере.

Таблица 1 Образовательная система Ирана (институты и обучающиеся)

Уровни	1953	1977
Университеты (студенты)	4 (14500)	16 (154315)
Техникумы (студенты)	36 (2538)	800 (227507)
Старшие школы (ученики)	527 (121772)	1741 (741000)
Средние школы (ученики)	5956 (746473)	23476 (4078000)

Источник: Abrahamian E. 1980. Structural Causes of the Iranian Revolution // *MERIP Reports*. № 87. P. 22.

Немаловажным в плане развития системы знаний было и обучение иранских студентов в западных странах — США, Великобритании, ФРГ, Франции, Австрии и т.д. Только в 1977 г. в западных вузах по полным, специальным и краткосрочным программам училось около 100 тыс. иранцев¹⁸. Некоторые из них обучались за пределами страны за счет государства или государственных фондов, другие — за счет иностранных образовательных программ, а третьи — за собственный счет, что стало возможным из-за увеличения благосостояния части иранского общества.

¹⁸ Amuzegar 1977: 183.

Как ни парадоксально, но образовательная политика иранских властей обернулась для них серьезными политическими проблемами:

студенчество, появившееся благодаря модернизации и реформам, а также уже закончившие вузы молодые специалисты внесли немалый вклад в низложение шаха-модернизатора. Участие студенчества и образованной части населения в свержении иранской монархии было не менее активным, чем участие базара и исламского духовенства. Причину такого на первый взгляд неожиданного поворота событий, когда выигравшие от преобразований группы восстали против инициатора и движителя перемен, на наш взгляд, следует искать в политически реакционном характере модернизации. Улучшение качества жизни и экономические реформы сопровождалась ликвидацией институтов политического участия, что лишило возникшие вследствие реформ группы возможности влиять на политический процесс и доносить свои требования до власти, присвоившей себе право единолично определять приоритеты развития страны. Отмена многопартийности и парламентаризма направила энергию этих групп в русло внесистемной борьбы, что сыграло ключевую роль в складывании союза между демократическими силами и базаром, студенчеством и исламом. В результате Исламская революция стала революцией как старых, так и новых групп, отрезанных от государства и власти.

Таким образом, образовывая народ и формируя новые классы, иранская элита укрепляла базу для борьбы против себя самой — и это не что иное, как доказательство несостоятельности представления о возможности экономической модернизации без модернизации политической.

Вместо заключения

Подводя итог рассмотрению иранской модернизации, трудно удержаться от соблазна провести аналогию между ней и модернизацией, которая четыре года тому назад была объявлена приоритетным направлением развития России. Такая аналогия вполне обоснованна, поскольку российская модернизация порождает, по сути, те же вопросы, что и иранская: можно ли сделать экономику «островком» модернизации, не задевая политическую сферу? можно ли использовать сверхдоходы от продажи нефти в качестве источника модернизации? может ли бюрократия, имеющая доступ к природной ренте, быть агентом модернизации? возможна ли модернизация без развития институтов политического участия и переговоров, приводящих к межгрупповому консенсусу по проблемам национального значения?

На наш взгляд, подход, согласно которому иранская модернизация потерпела неудачу из-за реакционности и консервативности общества, не выдерживает никакой критики. Причины крушения иранской монархии и проводимого ею курса надо искать в реакционности самой этой монархии, которая присвоила себе монополию на выражение «общественного блага», отказывая обществу в праве самому формулировать и представлять свои интересы. К сожалению, это именно то, с чем столкнулась современная Россия, где ключевые политические, эконо-

мические и административные ресурсы сосредоточены в руках одной партии, которая фактически выполняет ту же функцию, что и «Раста-физ» в Иране: облегчает продвижение решений, принятых в узком кругу руководства страны, взамен получая доступ к ресурсам.

Библиография

- Сергеев В.М.** 1999. *Демократия как переговорный процесс*. — М.
- Сергеев В.М.** 2004. «Черные дыры» глобализации // *Космополитис*. № 2.
- Abrahamian E.** 1980. Structural Causes of the Iranian Revolution // *MERIP Reports*. № 87.
- Amini P.M.** 2002. A Single Party State in Iran, 1975—78. The Rastakhiz Party: The Final Attempt by the Shah to Consolidate His Political Base // *Middle Eastern Studies*. Vol. 38. № 1.
- Amuzegar J.** 1977. *Iran: An Economic Profile*. — Washington.
- Ansari A.M.** 2001. The Myth of the White Revolution: Mohammad Reza Shah, Modernization and the Consolidation of Power // *Middle Eastern Studies*. Vol. 37. № 3.
- Halliday F.** 1979. *Iran: Dictatorship and Development*. — N.Y.
- Hayek F.A.** 1945. The Use of Knowledge in Society // *The American Economic Review*. Vol. 35. № 4.
- Huntington S.P.** 1966. The Political Modernization of Traditional Monarchies // *Daedalus*. Vol. 95. № 3.
- Khodadad Farmanfarmaian**, interview recorded by Habib Ladjevardi. 1982 // *Iranian Oral History Collection*. Harvard University. Tape 3. — Cambridge (MA).
- Ramazani R.K.** 1974. Iran's «White Revolution»: A Study in Political Development // *International Journal of Middle East Studies*. № 5.
- Shambayati H.** 1994. The Rentier State, Interest Groups, and the Paradox of Autonomy: State and Business in Turkey and Iran // *Comparative Politics*. Vol. 26. № 3.
- Summit A.R.** 2004. For a White Revolution: John F.Kennedy and the Shah of Iran // *Middle East Journal*. Vol. 58. № 4.
- Tehrani M.** 1980. Communication and Revolution in Iran: The Passing of a Paradigm // *Iranian Studies*. Vol. 13. № 1/4.
- Zabih S.** 1979. *Iran's Revolutionary Upheaval: An Interpretive Essay*. — San Francisco.